

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ *ВѢРЫ ЛАТИНЬСКОЎ* В ДРЕВНЕРУССКИХ ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЯХ XI–XII вв.

Резюме. Анализируется устойчивое представление о феномене *вѣра латинская*, объективированное посредством лексических средств в текстах древнейших восточнославянских посланий – оригинальных и переводных. На основании анализа собственно языковой и контекстуальной лексической семантики вербальных единиц, формирующих содержание высказываний, выявлены и оценены количественно признаки, которые актуализировались в языковом сознании древнерусского автора при выборе способов вербализации понятия «вера латинская». Выявленные характеристики сопоставлены с характеристиками, вербализованными в греческих текстах-прототипах. Установлены частнооценочные языковые значения, реализованные в соответствующих речевых произведениях.

Ключевые слова: церковная публицистика; древнерусская письменность; правая вера; латинская вера; языковой образ; оценочное значение.

Abstract. The conception of the phenomenon *Latin faith* objectified through lexical means in the texts of the oldest original and translated East Slavic messages is analyzed. Characteristics highlighted in the language consciousness of an Old Russian writer when choosing ways to verbalize the concept «Latin faith» are revealed and quantified according to the analysis of self-linguistic and contextual lexical semantics of verbal units forming the content of the sentence. Revealed characteristics are compared with the characteristics verbalized in the prototypical Greek texts. Meanings of private linguistic evaluation in the respective speech works are defined.

Key words: church publicism; Old Russian writing; right faith; Latin faith; language image; evaluation meaning.

Значительная часть корпуса древнерусской письменности представлена текстами, созданными в защиту *правовъ вѣры*. К проблеме противостояния *правовѣрныхъ* и *иновѣрныхъ* (к последним относились в первую очередь *погании, латины, жидове, еретици, раскольници, никонияне*) обращались многие известные книжники средневековой Руси: митрополит Иларион (первая половина XI в.), епископ Лука Жидята (первая половина XI в.), игумен Феодосий Печерский (ок. 1036–1074), митрополит Никифор (ум. 1121), епископ Кирилл Туровский (ум. до 1182), архиепископ Геннадий Новгородский (ум. 1505), игумен Иосиф Волоцкий (ум. 1515), Максим Грек (ок. 1470–1555), Зиновий Отенский (ум. ок. 1571), Иоанн Вышенский (1545/50 – после 1620), Елифаний Славинецкий (ок. 1600–1675), протопоп Аввакум Петров (1620/21–1682), дьякон Федор Иванов (ум. после 1668), инок Евфимий Чудовский (ум. 1705) и др. Ими созданы произведения различных жанров, с конкретным или обобщенным адресатом, имеющие дидактические или полемические цели, приобретшие культурное влияние и идеологическое значение.

Объектом нашего исследования стали три антилатинских послания, созданные на восточнославянских землях вскоре после Великой схизмы 1054 г.: послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу (ок. 1069 г., далее – ФИ), послание митрополита Никифора князю Ярославу Святополчичу (1104–1118 гг., НЯ), послание митрополита Никифора князю Владимиру Мономаху (1113–1121 гг., НВ). Мы выбрали тексты, общие по жанру, авторской модальности и характеру адресата. Оба послания Никифора – переводы, осуществленные сразу после написания греческих оригиналов и ставшие достоянием древнерусской письменности (о чем свидетельствует, например, составление на их основе компилятивных «Стязания с латиною» и «Поучения от седми собор на латину» (см. Павлов 1878, 48–60). Эти тексты хорошо изучены в литературоведении, текстологии, истории Церкви (см. Макарий (Булгаков) 1855; Попов 1875; Павлов 1878; Безобразова 1898; Синайский 1899; Еремин 1947, Словарь 1987, 278–279, 457–459; Поньрко 1992; Успенский 1996; Подскальски 1996; Антонова 1999; Послания 2000; Полянский 2001; Живов 2002; Баранкова 2003; Никищенкова 2010). Известны пункты полемики, которых обязательно касается каждый автор: добавление *filioque* к Символу веры: *латина же приложиша... «и иже от Сына исходит», и иже есть зло еретическое* (НЯ, 74); служба с опресноками (оплатками): *Никто же бо смысля, оставль совершенныи животныи хлѣбъ, и оплатки есть!* (НЯ, 77); правила поста: *еже поститися в суботы... и то же жыдовьскы* (НВ, 70); обязательства духовных лиц: *еже на воину ходити епископомъ и попомъ и свои руцѣ кровию оскверняти, егоже Христос не повелѣ* (НВ, 72) и многие другие. Установлено влияние патристики, правил Вселенских соборов, сочинений греческих церковных иерархов на композицию и содержание древнерусских антилатинских текстов. Применительно к нашим источникам называются конкретные греческие тексты-образцы: послание патриарха Константинополя Михаила Керулария патриарху Антиохии Петру 1054 г. по отношению к НВ (см. Попов 1875, 57) и статья «О фрязьхъ и прочихъ латинахъ» 1054–1100 гг. по отношению к НЯ и ФИ (Там же, 57–58, 111–116); иная интерпретация (см. Чичуров 1997, 49). Вместе с тем филологи не обращались к выявлению общего представления о латинском вероучении, объективированного в языке древнерусских и греческих посланий.

В данной статье анализируется языковой образ понятия *вѣра латинская*, реконструируемый в древнейших восточнославянских публицистических посланиях. Цель исследования – выявить на основании анализа узуальной и контекстуальной лексической семантики вербальных единиц, формирующих содержание высказываний, какие признаки актуализировались в языковом сознании древнерусского автора при выборе способов вербализации понятия «вера латинская», и установить реализуемые при этом частнооценочные языковые значения.

Языковой образ – устойчивое представление о том или ином явлении действительности, объективированное в тексте посредством вербальных единиц. В это представление входит актуализация каких-то признаков явления (например, 'интеллектуальная несостоятельность последователей латинской веры', 'гибельность учения', 'грязь') и частные оценки, которыми наделяются эти признаки (в данных примерах – интеллектуальная, телеологическая, гедонистическая). Вербальные единицы функционируют в составе различных грамматических конструкций, но соответствующая дифференциация этих единиц, на наш взгляд, не очень важна: главное заключается в том, что они эксплицируют один и тот же признак, и наша задача – выявить этот признак, например: *давленину ядят... и вся **гну́снѣшии** того* (НЯ, 75); *ядущие, **яко пси*** (НЯ, 79); ***нечисто** живутъ* (ФИ, 16) – 'грязь'. При этом мы понимаем, что номинация, сравнение, предикация суть совершенно разные логико-смысловые и лингвистические сущности, но в данной работе эта дифференциация не отражена.

Составляющие языкового образа *вѣра латинская*, выявленные в изученных нами текстах, можно объединить в три группы:

1) репрезентация вероучения: его наименование и характеристики, сопровождающие это наименование (причина возникновения, следствие принятия, близость другим учениям, отличия от них и др.); названия и характеристики праздников, элементов обрядности, предметов культа;

2) репрезентация последователей веры: их наименование, сравнение с представителями других социумов; номинации и характеристики их действий и состояний;

3) репрезентация взаимоотношений *правовѣрныхъ* и *латинь*.

Из трех посланий извлечено 240 контекстов актуализации названных составляющих; в древнерусских переводах византийских текстов-прототипов обнаружено 215 контекстов. Целый ряд выражений допускает множественную интерпретацию, обусловленную общеизвестной многозначностью и символическостью значения древнерусского слова. Например: *постъ ихъ починается от среды 1 недели святыя, иже есть **зло** и **грубо*** (НЯ, 75). Анализируя подобные слова и выражения, мы учитывали каждое из значений, зафиксированное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», или элемент значения композита и рассматривали это значение как пример актуализации отдельного признака. Следовательно, соответствующая языковая единица учтена дважды или даже трижды при описании свойств *вѣры латинскоѣ*: так, слово *грубо* включено в подсчет частоты актуализации признаков 'враждебность', 'интеллектуальная несостоятельность' и 'своеволие' (*грубый* – 'враждебный; дерзкий; невежественный, необразованный', *грубо* – 'неумело, неискусно; грубо, дерзко' (СлРЯ XI–XVII вв., IV, 144)).

В таблице приводятся выявленные в посланиях признаки *вѣры латинскоѣ*. Для сравнения мы приводим также данные, извлеченные из статьи «О фрязах» и послания Керулария и в их древнем церковнославянском переводе (I и II соответственно). Цифры показывают количество примеров вербализации того или иного признака. Курсивом отмечены признаки, известные только греческим прототипам.

Вербализация признаков *вѣры латинскоѣ*

Актуализируемый признак	Тексты				
	ФИ	НВ	НЯ	I	II
Другая конфессиональная традиция (другой народ):					
латинская	3	1	8	1	1
немецкая	–	2	2	–	–
иудейская	1	5	3	1	6
сарацинская	2	–	–	–	1
Отрицательное отличие от иудейства	1	1	–	–	–
Следование языческим традициям	2	–	2	3	–
Соблюдение собственной церковной иерархии	2	10	11	17	3
Общая «инаковость»	3	–	2	1	1
Зло	3	5	9	2	6
Опасность	5	–	–	–	3
Безнравственность	1	3	–	4	5
Вина	–	4	1	–	–
Обман	1	2	4	2	8
Соблазн	1	1	–	1	2
Интеллектуальная несостоятельность	–	3	9	4	9
Заблуждение	–	–	1	1	3
Хитрость	1	1	–	–	6
Ересь	9	8	9	–	31
Отношение к христианскому учению:					
искажение христианского учения	6	6	2	1	4
отступление от христианского учения	–	2	12	4	6
поношение христианского учения	–	–	1	1	4
неприятие христианского учения	1	3	–	–	6
чуждость христианству	2	–	–	1	1
отделение от христианства	2	3	3	–	13

Актуализируемый признак	Тексты				
	ФИ	НВ	НЯ	I	II
Отношение правоверных христиан к латинам:					
отделение от латин	3	1	1	–	4
неприятие латинского учения	3	–	–	–	2
отказ от совместных действий	–	–	1	–	1
удаление от латин	2	–	–	–	6
проклятие латин	–	–	2	–	6
<i>уничтожение латин</i>	–	–	–	–	1
Своеволие	–	10	2	–	3
Отсутствие богобоязни	–	–	1	2	–
Жестокость	–	1	–	–	2
Слабость, неутвержденность веры	–	1	1	–	1
Враждебность	–	–	1	–	1
Раздор	1	–	–	–	–
Гибельность	2	–	–	–	5
Мертвенность	2	–	3	–	–
Бездушность	–	–	1	–	–
Уподобление животному	1	–	2	–	4
Грязь	2	2	3	1	4
Неизлечимая болезнь	–	–	1	–	–
Любовь к внешней красоте	–	1	–	1	–
Дьявольская природа	2	–	–	–	3
Разбой	–	–	1	–	–
Слепота	–	–	1	–	–
<i>Немота</i>	–	–	–	–	1
<i>Посмертные муки</i>	–	–	–	–	1
<i>Безумие</i>	–	–	–	–	1
<i>Вред</i>	–	–	–	–	1
<i>Несовершенство языка</i>	–	–	–	1	–

В таблице представлены только словесно выраженные признаки (в том числе через разные значения называющих их полисемантов). Подразумеваемые смыслы, даже весьма прозрачные, мы не включали в подсчет из-за бесконечной широты интерпретаций. Например, устойчивую формулу *егоже Христос не прѣдалъ есть* (НВ, 72), комментирующую целование во время литургии, можно объяснить как своеволие латин, как заблуждение, как следование чужой традиции, но мы его относим только к группе «отступление от христианского учения» (отраженное в обряде, как и *filioque*). Данный признак – главная характеристика латинской веры, отраженная во всех текстах и являющаяся фоновым знанием всех правоверных авторов. Остальные признаки только уточняют, иллюстрируют эту идею. Иногда она заявляется прямо: *святѣя соборная апостольская церква [латина] отступиша* (НЯ, 73). Иногда она доводится до противопоставления *латинь* всему христианству – см. заголовок одного из списков ФИ: *Слово... о вѣрѣ крестянской и о латыньской* (ФИ, 16); фрагмент послания Керулария: *егда же на рать исхѣдять си вси латине... и всѣ ѣроужия своя крѣпятъ крѣзми челоувѣческими хрестиянькими* (Павлов 1878, 155). В XI–XII вв. такие высказывания не были гиперболой: как известно, в 1054 г. противостоящие стороны предали друг друга анафеме, поэтому признак «проклятье» вербализуется в текстах не как выражение авторской эмоции, а как констатация факта: *...научиша апостоли и святѣи отцы и рекоша тако: «Кто приложит или уимѣтъ, да будет проклят». Имѣють проклятво латина, якоже преложиша* (НЯ, 74) (но слово *анаѣма* отмечено только в послании Керулария). Такой же констатацией факта, а не метафорой является устойчивая характеристика латинского вероучения как ереси: *блюдиися кривовѣрныхъ* (ФИ, 17); *иже отступиша насъ, будутъ обрѣли ины книги, нѣ вѣдѣ, яже отвергла святая соборная церква еретическѣи книги* (НЯ, 79); *егоже есть зловѣрство* велико и на *жидовство* приводя и *въ савельскую ересь* (НМ, 72).

Выделение и различение некоторых групп признаков требует комментариев. Так, концепты «ересь», «обман», «заблуждение» и «отступление от христианского вероучения» мы рассматриваем как отдельные, хотя и пересекающиеся характеристики; основание для этого – лексическое выражение компонентов высказываний, передающих эти смыслы. В посланиях содержится значительное число фрагментов, характеризующих отношение *латинь* к истинному христианству, – конечно, такое, каким его видели правоверные. Эти признаки, «общие места» средневековых христианских сочинений, очень близки по значению (см. таблицу), однако должны быть разграничены; проиллюстрируем нашу точку зрения текстовыми примерами: 1) искажение учения: *прѣмѣша слово апостольское* (НВ, 72); *приятѣ... вѣру развращену* (ФИ, 18); 2) отступление: *первое зло: оже преступиша святое предание* (НВ, 74); 3) по-

ношение: *Молвятъ хулу на святаго и великаго апостола Петра* (НЯ, 74); 4) неприятие учения: *Христу бо благословившу... ти же его не приимають... явѣ, яко противятыся правѣи вѣрѣ* (НВ, 72); 5) чуждость: *Не подобаеъ же хвалити чюжеѣ вѣры* (ФИ, 17); 6) отделение: *Того ради и от нас бысте отвѣржени* (ФИ, 18).

Данные таблицы показывают различную степень актуальности признаков. Во всех древнерусских посланиях присутствуют следующие характеристики: другая конфессиональная традиция (другой народ), зло, обман, грязь, ересь, искажение христианского учения, отделение *латинь* от христианства, отделение христиан себя самих от *латинь*. Последователи обличаемого вероучения называются только *латинами*, причем эта номинация не сопровождается никакими дополнительными характеризующими признаками: *аще ти будеть ли жидовинь, ли сорочинь, ли болгаринь, ли еретикъ, ли латининь, ли от поганыхъ, – всякого помилуй и отъ бѣды избави* (ФИ, 17) – пример любопытен демонстрацией подчеркнутого неразличения защитниками правой веры инакомыслящих. Редкий пример-исключение – *того же не разумѣють слѣпци латина* (НЯ, 78), в котором эпитет используется для усиления представления об интеллектуальной несостоятельности противников. Авторы считали достаточным просто указать на конфессиональное отличие, принадлежность к чуждому народу, что само уже было маркировано отрицательно как «чужое». Подобное маркирование приобрели в текстах местоимения, используемые по отношению к *латинам* даже чаще, чем имена: *ни обычая ихъ държати, и камькания (камкати, камкатися 'причащаться' (СлРЯ XI–XVII вв., VII, 264) ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ не слушати, и всего ихъ обычая и норова гнушати и блюсти* (ФИ, 16). В греческих прототипах и в послании НВ слово *латина* использовано по одному разу (!) вначале, а далее в текстах употребляются лишь местоимения, становящиеся оценочным наименованием противников, а не указанием на них.

Отрицательная оценка всех свойств латинской веры очевидна. Мы приложили к вербализующим их языковым единицам классификацию частнооценочных значений, разработанную Н. Д. Арутюновой (см. Арутюнова 1999, 198–199). Каждый из выделенных признаков наделен как минимум нормативной оценкой (параметр 'правильно' – 'неправильно') – чаще скрытой, подразумеваемой, отражающей установку авторов следовать традиции, которая станет впоследствии ортодоксальным православием. Любое слово, характеризующее предмет обличения, а priori приобретает в публицистическом тексте добавочное (становящееся, впрочем, базовым) значение 'это неправильно'. Можно утверждать, что все проанализированные нами примеры содержат имплицитную нормативную оценку, в том числе внешне безоценочные выражения, в которых, например, описываются обряды латин и образ жизни духовенства: *латина же святую службу виномъ единѣмъ приносятъ, без воды* (НЯ, 79); *пискупы ихъ наложницѣ държатъ и на войну ходятъ* (ФИ, 171).

Эксплицитная нормативная оценка достаточно широко представлена в текстах (17 реализаций), в основном она выражается словами, у которых дескриптивный компонент значения сочетается с оценочным, и деонтическими высказываниями: *...занеже неправо вѣруют; не подобаеъ же хвалити чюжеѣ вѣры* (ФИ, 17); *а в олтарь церковнѣмъ... хто хочетъ, входитъ... егоже недостойт творити* (НЯ, 75). Есть основания считать эксплицитной нормативную оценку в выражениях, характеризующих латинство как ересь: лексема *ересь* употребляется в негативном значении уже в Новом Завете: *Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель* (2 Пет. 2:1) – ср. этот же мотив: *приятя неправедное учение и вѣру развращену и исполнену многыя погыбели* (ФИ, 18). Учение о ересь разработано, в частности, в сочинении Василия Кесарийского (ок. 330–379), и цитаты из них присутствуют в проанализированных текстах.

Нормативная оценка может выражаться на уровне синтаксиса противопоставлением или сопоставлением ситуаций с использованием слов-интенсификаторов – этот прием часто использует митрополит Никифор, заимствовав его из статьи «О фрязѣхъ...»: *Иконъ святыхъ въ церкви не держат, но токмо распятие едино; Пречистыя наша Владычицы и Богородицы Марии не Богородицею нарицают, но токмо святую Марию наречет* (НЯ, 75).

Кроме нормативной, в посланиях представлены:

1. Этическая оценка (наиболее частотная – 50 реализаций): (о ношении перстня) *егоже ни Христось ни апостоли повельша, простое любяще и смѣренное въ всемъ* (НВ, 72). Здесь оценка выражается имплицитно: автор и читатель подразумевают, что качества латин противоположны. Мы разделяем этические характеристики (параметр 'нравственно' – 'безнравственно') и нормативные, отражающие именно христианскую этику (безусловно, в высказывании они могут быть нерасторжимы).

2. Гедонистическая (12) – регулярно эксплицируется как дополнительная к нормативной оценке при описании принятия пищи *латинами*: *пятое еже [зло]: нечистая ясти* (НВ, 71).

3. Интеллектуальная (11): *такого приложения творити... бѣднѣ смысляще* (НВ, 72); (апостол Павел) *се глаголетъ: «Да будет слово ваше имѣя умъ», а не буди безлѣпа* (НЯ, 79) (*безлѣпы* – 'нелепый, неразумный' (СлРЯ XI–XVII вв., I, 113)).

4. Телеологическая (3): *погыбели полна вѣра ихъ* (ФИ, 17), *нѣсть видѣти жизни вѣчныя* (Там же) – также эксплицитное выражение.

Все эти оценочные значения многократно реализованы в текстах-прототипах. В послании Керулары отмечен также единственный пример утилитарной оценки, совмещаемой с этической: *глаголит же великий Антѣние... еже с нимъ* (раскольников) *любовь врѣдъ есть* (Павлов 1878, 156) (*врѣдъ* – в том числе ‘ущерб, убыток, вред; порок, грех’ (СлРЯ XI–XVII вв., III, 104). Совмещение нескольких оценок в высказываниях ожидаемо и связано с синкретичностью значения используемых слов, пространностью характеристики или обусловлено самой описываемой ситуацией, например: *прю дѣюща и прельстию хотяща отвести от правыя вѣры* (ФИ, 17) – нормативная и этическая; *яко не раздѣляютъ святаго отъ сквернаго* (не чтят алтарь) – интеллектуальная и этическая (см. НВ, 73).

Образ латинской веры из проанализированных посланий XI–XII вв. сложен в полном соответствии с многовековой традицией христианской церковной публицистики. Удалось установить более чем 40 различных признаков, объективирующих устойчивое представление *правовѣрныхъ о латинахъ*, их учении и отношении к нему, основными составляющими которого являются: другая конфессиональная традиция (принадлежность к другому народу), зло, искажение христианского учения, отделение *латинь* от христианства, отделение христиан себя самих от *латинь*, ересь, обман, грязь. Каждый из признаков выражается широким кругом синонимических вербальных единиц, большинство из которых многократно повторяется и образует формулы – «общие места» средневекового текста. Ключевыми словами, формирующими образ обличения, являются: *латина* (*латиньство*, *вѣра латиньская*, *латиньское учение*), *зло* (*злыи*, *зльѣ*, *злославнии*), *злая вѣра* (*зловѣрство*, *зловѣрие*, *зловѣрные*), *жидове* (*жидовьскы*, *жидовство*), *ересь* (*еретики*, *еретичьскы*, *еретичьство*), *приложити* (*приложение*, *приложивши*, *новоприложивши*, *прѣложити* – реализация мотива своеволия латин), *сквернии* (*сквернити*, *оскверняти*).

Образ латинской веры вербализован сквозь призму явной или скрытой нормативной оценки, скрепляющей весь текст. Однако наиболее часто в посланиях эксплицируется этическая оценка латинства. Общеоценочные высказывания редко употребляются в текстах; все из них можно интерпретировать как выражающие частную этическую оценку (*Христа бо исповѣдаютъ, не добръ творят* (НЯ, 76) и под.). Различия в наборе актуализируемых признаков и реализованных оценочных значений между древнерусскими посланиями и соответствующими прототипическими греческими сочинениями незначительны. Почти все оценочные значения отдельных слов и целых высказываний выражены в текстах эксплицитно.

Сокращения

НВ – Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху о вере латинской // Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 72–73 ; **НЯ** – Послание митрополита Никифора князю Ярославу Святополчичу о вере латинской // Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 73–79 ; **ФИ** – Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу // Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 16–18 ; **СлРЯ XI–XVII вв.** – Словарь русского языка XI–XVII веков : в 28 т. М., 1975–2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонова М. В. Древнерусское послание XI–XIII веков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Орел, 1999.
 Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 130–274.
 Безобразова М. В. Изречения св. Кирилла и послание митрополита Никифора. СПб., 1898.
 Баранкова Г. С. Антилиатинские послания митрополита Никифора: лингвистический и текстологический аспекты исследования // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 317–359.
 Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1947. Т. 5. С. 159–184.
 Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси. Slavia Christiana и историко-культурный контекст // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 73–115.
 Макарий (Булгаков), митр. Преподобный Феодосий Печерский как писатель // Изв. Императорской акад. наук по Отд-нию рус. яз. и словесности. СПб., 1855. Т. 4, вып. 6. Стб. 273–292.
 Никищенко Г. В. Послания и поучения Феодосия Печерского. Проблемы поэтики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Орел, 2010.
 Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
 Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
 Полянский С. М. Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 97–108.
 Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992.
 Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
 Послания митрополита Никифора. М., 2000.
 Синайский А. Отношения Древнерусской Церкви и общества к латинскому Западу (католицизму) (X–XV вв.). Историко-критический очерк. СПб., 1899.
 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
 Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 318–380.
 Чичуров И. С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (сер. XI – нач. XII в.) // Russia mediaevalis. 1997. Т. 9.1. С. 43–53.

Поступила в редакцию 12.03.2014.

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка.